

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЖЕНЩИН В РОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

И. В. Краснова

*Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Челябинск*

Гражданская правоспособность женщин является важным элементом в понимании правового положения женщин в целом. Государственная политика в отношении женщин в имперский период изменялась в зависимости, во-первых, от господствующего догматического понимания места женщины в обществе, во-вторых, от изменений в типе социально-экономических отношений в данный период; в-третьих, от характера политического режима; в-четвертых, от активности самих женщин. Так как данные факторы развивались не синхронно, женщина в XVIII–XIX веках находилась в двояком положении. С одной стороны, она была полностью зависима от главы семьи: отца, мужа, сына. Государство строго следило за совместным проживанием супругов и могло принудить женщину к возвращению в семью, несмотря на жестокое обращение с ней в этом доме. С другой стороны, женщины владели собственным движимым имуществом: приданым, подарками и имуществом, полученным по наследству, которым они могли распоряжаться в полной мере. В XIX веке такое же право получили женщины и в отношении недвижимого имущества. Данная статья освещает причины и некоторые вопросы эволюции российского имперского законодательства относительно гражданской правоспособности женщин.

В статье дается характеристика основных причин изменений в правовом положении женщин в XVIII–XIX веках, к которым относятся постепенный выход из «теремного» образа жизни, получение образования, развитие товарно-денежных и договорных отношений, приход к власти в XVIII веке целой плеяды сильных императриц и т.д. Все это позволило к концу XIX века женщинам стать хотя и не полноценными членами общества, но обладать большими гражданскими правами, чем их подруги в Западной Европе.

***Ключевые слова:* гражданская правоспособность, правовое положение женщин, история женщины, имущественные права женщины в Российской империи, личные права женщины в Российской империи.**

Женщины в России имперского периода, в отличие от своих западноевропейских подруг, пользовались большой юридической свободой. Они могли владеть недвижимым собственностью, участвовать в судебных процессах, заключать договоры. Но при этом личное положение женщины оставалось полностью зависимое от мужчин: отца, мужа, сыновей. Выявление причин и сути двойственности в правовом положении женщины и является целью данной статьи.

Исходя из этой цели можно выделить следующие задачи:

1) выделить причины возникновения гражданской правоспособности женщин в России в имперский период;

2) проследить законодательную практику в XVIII–XIX веках и ее последствия.

Понятие «гражданская правоспособность» – очень широкое понятие. Современный ГК РФ в ст. 18 дает следующее определение: «Граждане могут иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права». Данные нормы не совсем соответст-

вуют периоду империи в России, но показывают, что необходимо рассмотреть весь сектор правоотношений, в которые могли вступать женщины. В силу ограниченности объема статьи мы считаем нужным остановиться только на некоторых аспектах: личное и имущественное положение женщины, наследственные права, право на детей, возможность защиты своих прав в судебном порядке.

В древнем мире женщина не являлась субъектом права. Она была поглощена семьей отца, мужа, сына. Объясняется это тем, что в глубокой древности физическая сила ценилась очень высоко. Женщины, дети и старики, не обладающие такой силой, оказывались в подвластном положении.

На Руси в дохристианскую эпоху основной формой брака являлась «умычка». При такой форме брака женщина становилась приобретенной вещью в новой семье. С принятием христианства церковь выступала резко против такой традиции, что улучшает хотя бы имущественные права женщин. В. И. Синайский, проанализировав церковное законодательство раннего этапа, пришел к некоторым выводам. Женщины по церковным уставам имели право собственности на сговоренное и свадебное, а при разводе сохраняли за собой не только его, но и движимое имущество, приобретенное трудом [3, с. 29].

В ходе исторического процесса все больше проявляются тенденции к разделению имущества супругов. Небольшое отступление произошло в XVI веке, когда государственная политика попыталась закрепить общность имущества супругов. Но нововведение не прижилось. Провал законодательной политики государства, по мнению В. И. Синайского, объясняется влиянием Византийского права, поместной системой и обычаем выдела прожитка [3, с. 38].

В XVIII веке вышел целый ряд законодательных актов, разрешающих жене самостоятельно распоряжаться своим приданным и купленным в браке имуществом (Указы 1716, 1781, 1753 гг.). Такое положение дел стало возможным благодаря столкновению интересов родов мужа и жены. Государство не вырабатывало новую концепцию данных взаимоотношений, а узаконила существующее обычное право.

Наследственное право несет на себе еще более четкий отпечаток традиций. В древних памятниках русского права можно найти

множество примеров наследования женщинами и женщинам. Достаточно подробно об этом говорится в статье Е. Н. Ярмоновой [4, с. 61–69]. Женщина оставалась хозяйкой своего приданного, кроме того, девушки являлись главными наследницами имущества своих матерей. В крестьянской среде из-за скудности хозяйства девушки, получившие «приданое», не могли больше участвовать в разделе наследственного имущества. Это объясняется тем, что не редко «приданое» было больше или равно наследственному выделу брата. Иначе дело обстояло среди дворянского сословия. «Указом 1731 года Анна объявила, что родители должны делить имущество между детьми согласно Соборному уложению. Однако по поводу прав дочерей на наследство в указе просто говорилось, что следует «за дочерьми в приданья давать по прежнему», то есть так, как было принято до введения Указа о единонаследии. Далее в законе предусматривалось, что при наличии мужского потомства дочери родителей, умерших без завещания, могли рассчитывать на половину того, что полагалось бы их матерям, – иными словами, на одну четырнадцатую часть земельных угодий и на одну восьмую прочего добра («А дочерям при братьях... против матери или мачехи вполы»); дочери же, не имеющие братьев, становились единственными наследницами» [2, с. 215].

По указу 1818 года супруги получили право наследовать друг за другом 1/7 часть недвижимого и 1/4 часть движимого имущества. Сохранилось и более древнее право проживания вдовы в доме мужа пожизненно. При наличии детей вдова сохраняла земельные наделы.

Женщины активно участвовали в судебных процессах. В обширной статье С. И. Барыкова приводится множество примеров, где истцом или ответчиком выступали женщины разного семейного положения из крестьянской общины [1, с. 34]. Судебные тяжбы крестьянок незначительны. В основном они касаются вопросов выживания и являются вынужденной мерой. Другое дело дворянки – их интересы были обширными, да и свободного времени было достаточно. По мнению М. Л. Маррезе, «дворянки в целом широко использовали суды в своих целях и имели такие же шансы добиться желаемого вердикта, как и мужчины» [2, с. 287]. Женщины-помещицы были такими же активными

сутяжниками, как и мужчины. К примеру, графиня Барятинская в 1807 году имела 78 судебных тяжб.

Российские женщины в XVIII–XIX вв. пользовались большими имущественными правами, особенно если сравнивать их с женщинами Европы. Но в личных правах слабый пол сохранял полную зависимость от мужчин.

Свод законов 1832 года (ст. 76 Т. X) говорил об обязанности жены следовать за мужем. При нарушении данного закона Сенатом или судом издавался приказ о принудительном водворении жены в доме мужа. При этом в сельской местности на женщину смотрели как на рабочую силу, необходимую для ведения хозяйства. «Даже бездомность мужа, занятие его «нищенством» не спасает ее от обязанности быть возле мужа» [1, с. 42].

Другим фактором умаляющим личное положение женщины, стал институт отеческой власти. Дети при раздельном проживании родителей, как правило, оставались с отцом и только в исключительных случаях могли передаваться матери. К примеру, в 1890 году по делу Гриневиной суд постановил передать детей отцу, но с оговоркой, что может в дальнейшем передать матери, если «польза для детей требует воспитания их матерью» [3, с. 215]. Таким образом, мать получит возможность воспитывать детей после развода только в том случае, если отец ведет аморальный образ жизни.

Подводя итог, отметим следующее.

1. Имущественное положение женщины в России эволюционировало в течение долгого времени. Большая самостоятельность женщин в вопросах собственности объяснялась желанием родной семьи сохранить за собой

имущество. Законодательная политика государства закрепила интересы общества, развиваясь вместе с ним.

2. Источниками личного состояния женщин являлись в основном религиозные догмы (Кормчая, Толкование, Устав Благочиния и др.). В них недвусмысленно дается унижительное и зависимое состояние дочери, жены или вдовы. Хотя государство активно не поддерживало данный статус, этого вполне достаточно, чтобы в народном сознании укоренились эти догмы.

3. Личное положение женщины не развивалось вместе с имущественным состоянием. Этим объясняется та двойственность правового положения женщин в Российской империи, которая так удивляла иностранных исследователей.

Литература

1. Барыков, С. И. Крестьянская семья и «Семейная собственность» в Архангельской губернии / С. И. Барыков. – Архангельск: Губ. тип., 1912. – 83 с.

2. Маррезе, М. Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / М. Л. Маррезе. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 368 с.

3. Синайский, В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве / В. И. Синайский. – Юрьев; типография К. Маттисен, 1910. – 364 с.

4. Ярмонова, Е. Н. Правовое регулирование имущественного положения вдов по российскому законодательству IX–XIX вв. / Е. Н. Ярмонова // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XIV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012. – 118 с.

Краснова Инна Викторовна – начальник учебного отдела, старший преподаватель, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Челябинск. E-mail: innakra@74.ru.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2018 г.

CIVIL LEGAL CAPACITY OF WOMEN IN RUSSIA IN THE IMPERIAL PERIOD

I. V. Krasnova

Ural branch of the Russian Academy of Justice, Chelyabinsk, Russian Federation

Civil legal capacity of women is an important element in understanding the legal status of women in general. The state policy regarding women in the imperial period changed depending, first, on the prevailing dogmatic understanding of the place of women in society, and secondly, on the changes in the type of socioeconomic relations in this period; third, on the nature of the political regime; fourthly, on the activity of women themselves. Since these factors did not develop synchronously, the woman in the XVIII–XIX centuries was in a double position. On the one hand, she was completely dependent on the head of the family: father, husband, son. The state strictly followed the joint living of the spouses and could force the woman to return to the family, despite the cruel treatment of her in this house. On the other hand, women owned their own movable property: dowry, gifts and inherited property, which they could dispose of fully. In the XIX century, the same rights were granted to women in respect of immovable property. This article highlights the causes and some issues of the evolution of Russian imperial legislation on the civil legal capacity of women.

The article gives a description of the main causes of changes in the legal status of women in the XVIII and XIX centuries, which include the gradual withdrawal from the "terem" lifestyle, education, the development of commodity-money and contractual relations, coming to power in the XVIII century of a number of strong empresses etc. All this made it possible, by the end of the XIX century, for women to become, although not full members of society, but to have greater civil rights than their counterparts in Western Europe.

Keywords: *civil legal capacity, legal status of women, history of the woman, property rights of women in the Russian Empire, personal rights of women in the Russian Empire.*

References

1. Barykov S. I. *Krest'yanskaya sem'ya i "Semeynaya sobstvennost'" v Arkhangel'skoy gubernii* [The peasant family and "Family property" in Arkhangel'sk province]. Arkhangel'sk, 1912, 83 p.
2. Marreze M. L. *Bab'e tsarstvo: Dvoryanki i vladenie imushchestvom v Rossii (1700–1861)* [The Indian kingdom: Nobles and property in Russia (1700–1861)]. Moscow, 2009. 368 p.
3. Sinayskiy V. I. *Lichnoe i imushchestvennoe polozhenie zamuzhney zhenshchiny v grazhdanskom prave* [Personal and property status of a married woman in civil law]. Yur'ev, 1910, 364 p.
4. Yarmonova E. N. *Pravovoe regulirovanie imushchestvennogo polozheniya vdov po Rossiyskomu zakonodatel'stvu IX–XIX vv. Voprosy sovremennoy yurisprudentsii: sb. st. po mater. XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Legal regulation of the property status of widows under Russian law of the IX–XIX centuries]. Novosibirsk, 2012, 118 p.

Inna Victorovna Krasnova – Head of the Training Department, senior lecturer, Ural branch of the Russian state University of justice, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: innakra@74.ru.

Received 6 March 2018.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Краснова, И. В. Гражданская правоспособность женщин в России в имперский период / И. В. Краснова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 90–93. DOI: 10.14529/law180216.

FOR CITATION

Krasnova I. V. Civil legal capacity of women in Russia in the imperial period. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2018, vol. 18, no. 2, pp. 90–93. (in Russ.) DOI: 10.14529/law180216.